

Цинь Инин поднялась и медленно подошла к Цинь Хуайюаню, опустилась на колени, чтобы положить обе руки на колени отца, и снова посмотрела на него.

“Отец, ты разочарован в этих людях и в этом мире. Твои жизненные амбиции были разрушены этим человеком, и я понимаю горечь, которую ты чувствуешь. Если бы только этот человек был благородным и мудрым господином, если бы он мог реализовать твои амбиции, тогда бы ты не почувствовал ни капли сожаления или обиды, даже если бы он пережевал тебя и выплюнул вас обратно. Но этот человек невероятно глуп. У него нет амбиций и он отвергает все, что ты можешь ему предложить. Мало этого, он еще имеет наглость наказывать тебя.

Цинь Инин не произнесла слова ‘гнилой император’, но все знали, кого она имела в виду.

Цинь Хуайюань посмотрел на дочь, его руки медленно сжались в кулаки.

“Отец, я выросла в городах и видел много плохих вещей, когда война разорвала город Лян. Человеческая жизнь самая дешевая вещь в мире. Я видела семью, в которой семеро детей, четыре девочки и три сына и матери пришлось продать старшую дочь, чтобы прокормить остальных. У нее просто не было другого выбора.

“Сначала цены были хорошие. За старшую дочь дали серебряный тэйл. Когда позже цены упали, младшую девочку продали всего за пять килограмм гречневой лапши. Девочек продавали за еду, чтобы мальчики могли выжить. Мать страдала, а братья чувствовали себя виноватыми, потому что они оставались в живых благодаря тому, что девочек продали. Но даже при всем этом, при всей тяжести их положения, они продолжали жить до последнего вздоха.

“Даже если ты больше не премьер-министр, отец, даже если ты больше не великий наставник наследника и нам нужно вернуться на фермы, мы все еще будем живы. Быть живым - величайшее счастье. Не нужно грустить, отец? Не стоит терять надежду?”

- А ты?” тяжело вздохнул Цинь Хуайюань.

Цинь Инин вопросительно посмотрела на него.

Он повторил вопрос. - А ты? Как ты продолжала жить?”

Слезы снова потекли по женщинам, когда они услышали тяжелый вздох Цинь Хуайюаня, и то, как отец и дочь смотрели друг на друга. Ни Сунь уткнулась лицом в ладони. Ее тело сотрясали рыдания. Она так страдала, что хотела похоронить себя заживо.

Но Цинь Инин моргнула и широко улыбнулась, показав свои очаровательные ямочки. “Я? Я ела, когда могла, и спала, когда могла. День за днем я как-то справлялась с этим.”

“Каким образом?”

“Ничего невероятного. Я ничего не требовала от себя, кроме еды, когда была еда и сна, когда было место. У меня не было забот, и тогда мои дни были такими легкими. Несмотря на то, что все приходилось делать самой в горах, жизнь была легкой и беззаботной.”

Когда Цинь Хуайюань посмотрел в сияющие глаза Цинь Инин, ему показалось, что он смотрит

в прозрачные глубокие озера. В глубине этих озер было что-то, чего ему, погрязшему в грязи дворцовых интриг никогда не достичь.

Яркие эмоции нахлынули на всех остальных. Они всегда жили в роскоши, носили шелка и ели изысканные деликатесы, окруженные слугами, окруженные честью и богатством. Они никогда не страдали.

Чем более комфортной становилась их жизнь, тем жаднее они становились. Сестры завидовали друг другу, если одна из них получала более красивую шпильку. Родственники следили, чтобы коробки с едой доставлялись к ним в соответствии с их статусом ...

Такие сложные отношения всегда считались заслугой престижной дворянской семьи, но теперь все это казалось такой глупостью. Они считали себя наследниками голубых кровей, но по факту все они были оранжерейными растениями. Малейший ветер и дождь сломят их.

А Цинь Инин? Она тоже была аристократической дочерью, но ее слишком рано выгнали из оранжереи. Несмотря на штормы, которые били ее, она пустила глубокие корни в каменистой почве и гордо расцвела в потрясающий, цепкий цветок. В ней была некая бесстрашная, непоколебимая сила, которая пробудила сердца всех к действию.

Внезапно их страхи показались такими ничтожными. Они могли бы просто вернуться в поля. В любом случае, это было лучшим вариантом, чем участь Цинь Инин. Чего бояться, когда семья вместе?

Это было впервые, когда Цинь переоценивали свою жизнь перед лицом опасности. Это было впервые, когда они почувствовали такое явное восхищение и симпатию к Цинь Инин. За этими эмоциями не было никаких мотивов, просто чистое восхищение перед этим человеком.

Мысли Цинь Хуайюаня были такими же, как и у всех остальных. Его нахмуренные брови медленно расслабились, и улыбка появилась на лице. Он глубоко похоронил в своем сердце чувство вины по отношению к этому ребенку и похлопал ее по плечу. "Я понимаю."

Девочки завидовали этому проявлению отцовской любви. Многие из них имели поверхностные отношения и общались с отцами только во время утренних и вечерних приветствий. Очень немногие из них были так близки, как Цинь Инин и Цинь Хуайюань. Трогательная сцена согрела сердца всех.

Цинь Инь внутренне расслабилась, когда увидела, что взгляд ее отца снова стал мирным. "Ты уже знал об этом, отец, но ты не сделан из камня, так что, конечно, у тебя будут какие-то чувства по этому поводу."

Девушка встала и увидела, что остальные члены семьи смотрят на нее другими глазами, чем обычно. Она застенчиво стала раскланиваться, вызывая у Цинь Хуайюаня невольный смех. Остальные тоже начали хихикать.

В комнате стало легче дышать. Маркиз посмотрел на лица вокруг себя, а затем на Цинь Инин рядом с собой. Слабая улыбка украсила его лицо. Он был безмерно рад и горд, что его дочь была такой. С каждым днем он ценил ее все больше и больше.

"Сегодня я говорил немного больше, чем обычно, чтобы мы могли осознать реальность нашего времени и понять позицию, которую мы должны занимать. Давай постараемся избегать ошибок." Цинь Хуайюань поднялся, как обычно, надежный, благородный. Он улыбнулся. "Давайте вернемся в наши дома и отдохнем."

“Хорошо. Все встали, чтобы попрощаться со старой вдовой. Вторая и третья ветви направились к своим резиденциям, а Цинь Хуайюань и Ни Сунь помогли старой вдове вернуться в ее комнату. Матриарх все еще была охвачена страхом и трогательным поворотом и нуждалась в долгих утешениях, прежде чем Цинь Хуайюань смог уйти со своей женой и дочерью.

Отец и дочь стояли по бокам от Ни Сунь. Цинь Хуайюань обнял мадам за плечи. Благодаря тонкой ткани летней одежды, супруги чувствовали тепло друг друга. Они посмотрели друг на друга и невольная улыбка озарила их лица. В своей улыбке Цинь Хуайюаня выражал всю свою нежность. Ни Сунь покраснела, ее улыбка стала шире, а глаза, опухшие от слез, превратились в щелки.

Цинь Инин тихо отпустила руку матери, когда увидела своих родителей, и замедлилась, уйдя вместе со служанками в почетный учебный зал.

Когда Цинь Хуайюань и Ни Сунь возвращались в сад спокойствия, мадам спросила, как ее муж провел дни в темнице. Он был ранен? Он был подвергнут пыткам? Сколько раз в день он ел?

Маркиз не хотел, чтобы Ни Сунь волновалась, и улыбкой отвечал на все ее вопросы. Он был очень искусен в своих ответах, искусно напуская туман. Мадам не поняла ни одного из его ответов и даже забыла, о чем она спрашивала. Она обращала внимание только на улыбку и голос Цинь Хуайюаня.

Когда они вернулись в сад спокойствия, они увидели женскую фигуру, стоящую перед главными дверями, под большими фонарями. Она была одета в алый наряд, ее блестящие локоны были уложены в несколько булочек. Жемчужные качели мягко покачивались и отбрасывали мягкое сияние на прическу.

Фигура повернула голову, услышав шаги, и на ее лице появилась теплая и смиренная улыбка. Она поклонилась. “Эта наложница приветствует господина и госпожу.”

Ни Сунь замедлила шаг, а улыбка на ее лице застыла. Цинь Хуайюань кивнул. “Что привело вас сюда в такой час?”

“Эта наложница услышала, что господин вернулся и пришла поприветствовать вас.” Цао Юцин подняла глаза, ее светлый взор был прикован к Цинь Хуайюаню. Ее чувства к маркизу легко читались в ее взгляде, но он, казалось, не понимал.

“Спасибо за ваши чувства. Я в порядке. Час поздний, а летние ночи богаты различными насекомыми. Вам нужно вернуться и отдохнуть.”

Цао Юцин сжала губы и долго пристально смотрела на Цинь Хуайюаня, прежде чем снова согнулась в поклоне.

“Хорошо, я пойду. Спасибо за беспокойство, милорд. Я больше не буду беспокоить господина и госпожу.”

“Мм”. Цинь Хуайюань указал на случайную служанку. “Найди фонарь и проводи леди до ее дома.”

Маленькая девочка тут же раздобыла яркий фонарь, чтобы показать дорогу. Цао Юцин снова пристально посмотрела на Цинь Хуайюаня, прежде чем отвернуться. Ее спина была прямой, как шомпол, но даже при ее неторопливой походке, жемчужина на ее прическе болталась, отсвечивая блики от яркого фонаря.

Какое-то время ее взгляд все еще оставался в памяти Цинь Хуайюаня, прежде чем он с улыбкой вошел внутрь с Ни Сунь.

<http://tl.rulate.ru/book/13071/449514>